

Improving the Competitiveness of Russian Universities Among the World's Top Science-and-Education Centers (5–100)] // Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii [The Ministry of Education and Science of the Russian Federation] URL: <http://minobrnauki.rf/proekty/5–100> (data obrashcheniya: 18.11.2016)

Postanovlenie Pravitelstva Rossii ot 16 marta 2013 g. № 211 «O merakh gosudarstvennoy podderzhki vedushchikh universitetov Rossiyskoy Federatsii v tselyakh povysheniya ikh konkurentosposobnosti sredi vedushchikh mirovykh nauchno-obrazovatelnykh tsentrov» [Resolution of the Government of Russia on March 16, 2013 № 211 “On Measures of State Support of the Leading Russian Universities in Order to Enhance Their Competitiveness Among the World's Leading Research and Education Centers”] // Gosudarstvennaya sistema pravovoy informatsii. Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii. 2005–2016 [The Official Internet-Portal of Legal Information. The State System of Legal Information] URL: http://pravo.gov.ru/ipsdata/?doc_itself=&backlink=1&nd=102163785&page=1&rdk=3#10 (data obrashcheniya: 20.11.2016)

Pravila raspredeleniya i predostavleniya subsidiy na gosudarstvennyuyu podderzhku vedushchikh universitetov Rossiyskoy Federatsii v tselyakh povysheniya ikh konkurentosposobnosti sredi vedushchikh mirovykh nauchno-obrazovatelnykh tsentrov (utv. postanovleniem Pravitelstva RF ot 16 marta 2013 goda g. № 211). S izmeneniyami i dopolneniyami ot 30 dekabrya 2013 g., 26 dekabrya 2014 g., 31 oktyabrya 2015 g., 9 aprelya 2016 g. [Terms of Distribution and Granting Subsidies for State Support of Leading Universities of the Russian Federation in Order to Enhance Their Competitiveness Among the World's Leading Research and Education Centers (Approved. RF Government Decree of March 16, 2013, № 211). As amended on December 30, 2013 December 26, 2014 October 31, 2015 April 9, 2016] // Gosudarstvennaya sistema pravovoy informatsii. Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii. 2005–2016 [The Official Internet-Portal of Legal Information. The State System of Legal Information] URL: http://pravo.gov.ru/ipsdata/?doc_itself=&backlink=1&nd=102163785&page=1&rdk=3#10 (data obrashcheniya: 20.11.2016)

Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 07.05.2012 g. № 599 [Presidential Decree of 07.05.2012, № 599] // Administratsiya Prezidenta Rossii 2016 god [The Russian Presidential Administration 2016] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35263> (data obrashcheniya: 20.11.2016)

Blagodatova Ye. Chto meshaet rossiyskim vuzam voyti v top-100 mirovykh reytingov? [What prevents Russian universities enter into the top 100 of the world rankings?] // Zhurnal Sankt-Petersburgskiy Universitet № 15 (3857) 5 dekabrya 2012 [Magazine St Petersburg University № 15 (3857) December 5, 2012] URL: <http://journal.spbu.ru/?p=9063> (data obrashcheniya: 4.12.2016)

НАУЧНЫЕ КАДРЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Долгова Евгения Андреевна

кандидат исторических наук,
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия;
e-mail dolgova-evg@rambler.ru

УДК 001.316.454

Была ли наука «коммунистической»? Из статистики научных кадров в 1929–1937 гг.¹

Поставлена задача верификации историографической гипотезы о социальной и политической (партийной) однородности научных кадров в 1920–1930-е гг. через выявление удельного веса ученых-коммунистов в научном сообществе, их распределения по дисциплинам, территориальному размещению, возрастному и квалификационному составу. В результате анализа статистической документации за 1929, 1932, 1937 гг. автор приходит к выводам, что слой коммунистов в научном сообществе 1920–1930-х гг. был тонким и неоднородным; в социально-демографическом отношении не наблюдалось поляризации «старых» и «новых» научных институций (Академии наук СССР и Коммунистической академии ЦИК СССР), а также не прослеживалась взаимосвязь между партийностью научных работников и обретением ими привилегий социально-бытового характера. Автор делает вывод, что социально-демографические характеристики научного сообщества в 1929–1937 гг. не обнаруживают болевого перелома в развитии науки: не наблюдалось безусловно жесткого государственного запроса на «партийность» ученых, научное сообщество не отличалось партийной и социальной однородностью. Вследствие этого говорить о предвоенной науке как «коммунистической» в части ее социально-демографических характеристик едва ли правомерно.

Ключевые слова: советская наука, ученые, партийная принадлежность, социальное происхождение, власть, привилегии, репрессии.

На современном этапе исторических исследований распространено устойчивое представление о сложных и конфликтных условиях развития науки в 1920–1930-е гг.,

¹ Грант Президента РФ для поддержки молодых ученых — кандидатов наук, проект МК-5264.2015.6.

ставших причиной социальной и политической (партийной) однородности научных кадров (Подвластная наука, 2010; Робинсон, 2004; Курепин, 2003; Романовский, 1999; Перченко, 1995; Репрессированная наука, 1991–1994).

Однако если обратиться к статистическому исследованию состава и структуры научного сообщества, мы увидим, что данная историографическая гипотеза — представление о предвоенной науке как «коммунистической», обеспеченной надежными в социальном и политическом плане кадрами — не выдерживает обоснования по многим показателям.

Возможность проведения этого исследования облегчается плановым характером организации советской науки, включающим измерительный, анализирующий и корректирующий компоненты управления ею и сформированной источниковой базой — комплексом статистических документов, содержащих стандартные количественные показатели (индикаторы). С этими документами можно работать путем составления разработочных таблиц, каждая из которых содержит как суммарные показатели (число ученых), так и индикаторы, представленные в разрезах — по партийной принадлежности, дисциплинам, квалификации научных работников, возрастному составу, социальному происхождению и пр. После формирования разработочных таблиц данные были обработаны с применением статистического пакета SPSS посредством одномерного анализа. Это позволило рассчитать удельный вес различных групп в составе научных работников, вычислить средние показатели по стране, по отдельным научным дисциплинам, территориальным группам. Была поставлена задача выявления удельного веса ученых-коммунистов в научном сообществе, их распределения по дисциплинам, территориальному размещению, возрастному и квалификационному составу.

В основу анализа был положен квалификационный подход — понятие «научный работник» раскрывалось не через подсчет всех выполняющих научно-педагогическую или исследовательскую функцию в вузах, научных учреждениях, а через понятие личной научной квалификации ученого.

В процессе исследования были изучены материалы, хронологически соответствующие нескольким ключевым, историографически обусловленным точкам: 1929 г. («году великого перелома» в науке); 1932 г. (году окончания первой пятилетки, на период которой пришлось печально известные «Шахтинское дело» (1928), «Дело Промпартии» (1930), «Академическое дело» (1929–1930); 1937 г. (году начала «Большого террора»). Все анализируемые документы, выявленные в Российском государственном архиве экономики (далее РГАЭ, фонд Центрального управления народнохозяйственного учета) и Государственном архиве Российской Федерации (далее ГАРФ, фонды Комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями при Президиуме Верховного совета СССР (Р-7668), Центральных комитетов профессиональных союзов работников просвещения, высшей школы и научных учреждений (Р-5462), Комиссии по содействию ученым (Р-4737 и др.), содержали статистические данные о социально-демографических характеристиках научного сообщества.

Перейдем к результатам анализа статистических показателей.

Данные переписи научных учреждений СССР от 1 апреля 1929 г. о численности научных учреждений и научного состава в них по дисциплинам (без руководителей научных учреждений), проведенной Рабоче-крестьянской инспекцией Госплана СССР, свидетельствуют о том, что на 1929 г. в 1227 обследованных научных

учреждениях состояло 18213 научных работников и 8031 вспомогательных научно-технических работников². В объеме цифр 1929 г. среди суммарных индикаторов первостепенным являлся удельный вес научных работников-коммунистов. Итоги учета оказались интересны, но историографически ожидаемы: на «год великого перелома» по СССР (за исключением Туркменистана и Узбекистана) было обнаружено всего 1590 научных работников-коммунистов при зафиксированной возможной погрешности в подсчетах в 5–8%. Центром сосредоточения партийных научных сил являлась РСФСР (69,3%)³. Сравнивая количество коммунистов научных и вспомогательных научно-технических работников (1590) с общей численностью научных работников в СССР (26244) даже с учетом зафиксированной погрешности в 5–8% и без учета Туркменистана и Узбекистана партпрослойка в составе научных кадров выглядит не очень убедительно — в размере 6,0%.

Эти же источники приводят сведения о динамике роста числа ученых-коммунистов по отдельным отраслям научного знания в СССР (табл. 1):

Таблица 1

Динамика роста числа ученых-коммунистов в разрезе по отдельным отраслям научного знания в СССР: 1929

Начало научной работы	Всего работников в цифрах	Точных %	Прикладных %	Медицинских %	Общественных %
До 1920 г. включительно	137	16,8	7,3	5,8	70,1
1921–1922	139	7,2	2,2	18,7	71,9
1923–1924	177	4,3	8,0	2,0	65,7
1925–1926	255	9,0	12,3	19,1	59,6
1927–1928	515	9,5	22,1	14,4	54,0
Итого	1523	8,7	13,3	16,5	61,4

(Источник: расчеты автора на основе: ГАРФ. Ф. 3415. Оп. 1. Д. 10. Л. 42)

Таблица 1 показывает, что оформление «костяка» слоя научных работников-коммунистов пришлось лишь на 1927–1928 гг., когда утвердилось $\frac{3}{4}$ их состава и был зафиксирован наивысший процент увеличения их количества. По отраслям научного знания очевидно, что наибольший удельный вес ученых-коммунистов составляли представители общественных дисциплин. Некоторое уменьшение удельного веса представителей общественных наук (за счет роста числа ученых-коммунистов из других наук, прежде всего медицинских и прикладных) прослеживается лишь с 1923–1924 гг. Кроме того, данная таблица дает представление и о партстаже научных работников, — у многих из них на 1929 г. он составлял едва более двух лет.

Посмотрим, как выглядит распределение партийных научных сил в дисциплинарном разрезе в СССР на 1929 г. в материалах переписи научных учреждений СССР (табл. 2).

² ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 201. Л. 36.

³ Там же.

Таблица 2

Данные о численности научных партийных кадров по основным научным дисциплинам в СССР: 1929

Науки	Из общего числа научных работников члены и кандидаты ВКП(б)	
	Число	% к итогу
Исторические	229	14,1
Физико-математические	28	1,8
Химические	21	1,3
Геологические	16	1,0
Биологические	73	4,6
Индустриально-технические	86	5,4
Сельскохозяйственные	116	7,3
Медицинские	264	16,5
Военные	10	0,6
Этнографические	2	0,2
Экономические	383	24,1
Философия и психология	120	7,5
Педагогика и педология	99	6,2
Правовые	87	5,5
Языкознание	11	0,7
Литературоведение и искусствоведение	41	2,6

(Источник: расчеты автора на основе: ГАРФ. Ф. 3415. Оп. 1. Д. 10. Л. 38)

Судя по цифрам, представленным в таблице 2, в числе научных работников-коммунистов наибольший удельный вес имели экономисты, медики, историки (свыше 10%). Наименьшую долю составляли представители языкознания, военных и этнографических наук (менее 1%). Однако эти данные неполны, поскольку таблица не учитывает суммарный показатель — общее количество ученых по дисциплинам; тем самым не представляется возможным высчитать долю ученых-коммунистов внутри каждой дисциплины (так, например, она невысока среди медиков — в указанный период они по численности уверенно держали первенство в науке, и лишь вследствие этого обеспечивали высокое количество ученых-коммунистов по сравнению с другими дисциплинами и т. д.)

Распределение ученых-коммунистов по квалификационным категориям (А, Б, В)⁴, а также их территориальное размещение и гендерный состав, иллюстрируют статисти-

⁴ Ученые, профессора и другие деятели науки состояли на учете («в списках») ЦеКУБУ, которая определяла их «значимость» для Советского государства и по их «научным заслугам» подразделяла на категории, в зависимости от которой производилось ресурсное обеспечение. Все научные работники, утвержденные Экспертной комиссией ЦеКУБУ и Секцией научных работников, были разбиты на три группы: «А» — группа выдающихся и заслуженных ученых; «Б» — научные работники, имеющие научный стаж, по крайней мере, в виде одной самостоятельной работы; «В» — начинающие ученые, ведущие самостоятельную научно-преподавательскую или научно-исследовательскую работу в вузах и научных учреждениях, в том случае, если эта работа является для них основной; научные сотрудники и лица, подготов-

ческие сводки состава научных работников РСФСР, составленные по материалам Объединенной комиссии Центрального бюро Секции научных работников и Центральной комиссии по улучшению быта ученых по РСФСР. Сужение территориального охвата в этом случае представляется нам оправданным ввиду уже приводившихся суммарных показателей, закрепивших за РСФСР 63,9% научных партийных сил страны. Зафиксированные в источнике данные позволяют сделать вывод о половом составе, местах преимущественного проживания (работы) и квалификационных характеристиках партийных научных кадров (см. табл. 3).

Таблица 3

Состав научных работников — членов и кандидатов ВКП(б) по полу и категориям в РСФСР: 1928

	А			Б			В			А+Б+В		
	Всего	Муж-чин	Жен-щин									
Москва	9	8	1	129	120	9	326	261	65	464	389	75
	100%	88,9%	11,1%	100%	93,0%	7,0%	100%	80,1%	19,9%	100%	83,8%	16,2%
Ленинград				22	19	3	110	94	16	132	113	19
				100%	86,4%	13,6%	100%	85,5%	14,5%	100%	85,6%	14,4%
Провинция⁵				12	12		70	62	8	82	74	8
				100%	100%		100%	88,6%	11,4%	100%	90,2%	9,8%
Всего	9	8	1	163	151	12	507	417	89	678	576	102
	100%	88,9%	11,1%	100%	92,6%	7,4%	100%	82,4%	17,6%	100%	85%	15%

(Источник: расчеты автора на основе: ГАРФ. Ф. 5462. Оп. 10. Д. 388. Л. 1)

Таблица демонстрирует центричность территориального размещения научных работников — высокий удельный вес ученых-коммунистов в Москве (464 из 678 научных работников, соотношение сохраняется по всем группам, включая «выдающихся и заслуженных ученых») по сравнению с Ленинградом и провинцией. Важным показателем являлось численное преимущество партийных сил в группе «В» (507 из 678 научных работников), к которой относились, по определению Экспертной комиссии ЦеКУБУ, «начинающие и готовящиеся» ученые (для группы «Б» требовалось наличие хотя бы одной опубликованной работы) и почти полное их отсутствие в группе «А» (9 из 678), в которой состояли «выдающиеся и заслуженные ученые». Дополнительно можно отметить преимущественно мужской состав научных работников-коммунистов (576 мужчин по отношению к 102 женщинам), однако последняя черта характеризует положение в предвоенной науке в целом.

Итак, можно сделать некоторые промежуточные выводы. Статистические данные свидетельствуют о том, что к 1929 г. слой коммунистов в научном сообществе был не только тонким, но и распределен неоднородно. Налицо неравномерное распределение партийных сил в территориальном отношении, по отраслям научного знания. Можно отметить и недостаточный уровень квалификации партийных

ляющиеся к научной деятельности под руководством ученых специалистов из группы «А» и «Б». (Научные кадры РСФСР. М., 1930; Ф. 5462. Оп. 7. Д. 393; Оп. 8. Д. 185).

⁵ Имеется в виду РСФСР без Москвы и Ленинграда. — Е. Д.

научных кадров (большая часть из которых была сосредоточена в группе В) и короткий партийный стаж многих из них. Конечно, ситуация выглядела не очень оптимистично: надо отдать должное, что проблема кадров осознавалась современниками и освещалась как в периодике [Тесленко, 1930, с. 23; Штарк, 1929, с. 11–18; Покровский, 1929, с. 16–28], так и в директивных сводках, обнаруженных среди документации учреждений⁶.

На втором этапе исследования нами были проанализированы статистические материалы за 1932 г. Этот год завершил первую пятилетку, в которую, по логике, должны были быть исполнены командные директивы по обновлению кадрового состава учреждений. Одновременно сама пятилетка совпала с такими драматическими событиями в истории науки, как «Шахтинское дело» (1928), «Академическое дело» (1929–1930) и «Дело Промпартии» (1930). Эти особенности периода определили привычное отношение исследователей к науке после рубежа 1920–1930-х гг. как к «сломленной».

Поскольку в указанный период была проведена реорганизация научных учреждений по отраслевому принципу и сокращение научных штатов, представляется не вполне корректным анализировать суммарные показатели и выявлять динамику по сравнению с 1929 г. Заострим внимание на другом. Ниже приводится анализ сводок о научно-исследовательских работниках «старой» и «новой» научной институции — Академии наук СССР и Коммунистической академии ЦИК СССР, единым источником данных являются статистические сведения о количественном и качественном составе руководящих, научных и профессорско-преподавательских работников учреждений, подведомственных Ученому Комитету ЦИК СССР.

Ученая сводка Академии наук СССР о научно-исследовательских работниках АН СССР за 1932 г. иллюстрирует соотношение сил в Академии наук СССР⁷. Всего в Академии наук СССР на 1932 г. числилось 916 научных работников, в том числе 93 академика. На учет было взято 879 научных работников, в том числе 44 академика. Справка о социальном происхождении дает следующие цифры: служащих в Академии наук СССР в 1932 г. числилось 489 (55,6% — расчеты автора), крестьян — 125 (14,2%), дворян и царских чиновников — 77 (8,7%), рабочих — 61 (6,9%), из духовного звания — 31 (3,5%), торговцев — 19 (2,1%), кустарей и ремесленников — 14 (1,6%), не указали социальное происхождение — 52 из общего числа 879 учтенных (5,9%).

В справке о партийно-комсомольской прослойке приводятся такие данные: из общего числа 879 учтенных членами ВКП(б) в Академии наук СССР в 1932 г. состояли 51 мужчина (5,8%), 9 женщин (1%); кандидатами ВКП(б) являлись 19 мужчин и женщин (2,2%); членами ВЛКСМ были 26 мужчин и женщин (3%), беспартийные же составляли 710 учтенных (80,7%), не дали точных сведений о себе — 64 (7,2%).

Таким образом, в Академии наук СССР, пережившей «Академическое дело», в 1932 г. рабоче-крестьянская прослойка составила всего 21,1%, партийно-комсомольская — 12%. На мой взгляд, цифры низкие, трудно объяснимые в привычном историографическом ракурсе. Возможно, невысокий уровень «политической сознательности», «ненадежный» в социальном отношении состав был связан с возрастом кадрового состава Академии наук? [Горин, 1927; Маровский, 1928]. Однако

⁶ Например: ГАРФ. Ф. 3415. Оп. 1. Д. 10; Ф. 5462. Оп. 11. Д. 279; Там же. Оп. 10. Д. 110.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 724. Л. 21.

возрастной состав научных работников, напротив, иллюстрирует относительную молодость учреждения: 425 учтенных были в возрасте от 18 до 35 лет (48,3%), 336 — от 35 до 60 лет (38,2%)⁸. Оставим вопрос о низкой партийно-комсомольской прослойке и рабоче-крестьянской прослойке в Академии наук СССР пока без ответа и обратимся к анализу кадрового состава учреждения, само название которого, казалось бы, не вызывает вопросов относительно направленности его работы — Коммунистической академии ЦИК СССР.

Учетные сведения о количественном и качественном составе Коммунистической академии ЦИК СССР на 1 января 1933 г. дают следующую характеристику кадрового состава научных работников⁹. Всего в Московском отделении Комакадемии ЦИК числилось 270 научных работников, из них: рабочих — 26 (9%), крестьян — 33 (13%), служащих — 132 (49%), «прочих социальных групп» — 79 (29%). Таким образом, рабоче-крестьянская прослойка составила 22%. В Ленинградском отделении Комакадемии она была немного выше — 34%: числилось 179 научных работников, из них 31 рабочий (17,3%), 30 крестьян (16,7%), 101 служащий (56,4%), из «прочих социальных групп» 17 (9,5%).

Что касается партийного состава обоих отделений Комакадемии, то источник приводит следующие цифры. В Московском отделении Комакадемии (270) состояло 176 членов ВКП(б) обоюбого пола (65%), 7 кандидатов ВКП(б) (3%), 5 членов ВЛКСМ (2%) и 82 беспартийных (30%). В Ленинградском отделении Комакадемии (179) — 92 члена ВКП(б) (51,4%), 1 кандидат ВКП(б) (0,56%), 4 члена ВЛКСМ (2,2%) и 82 беспартийных (45,8%).

Таким образом, в Комакадемии ЦИК рабоче-крестьянская прослойка составила 22% в Москве и 34% в Ленинграде, партийно-комсомольская — 70% в Москве и 55,2% в Ленинграде. Цифры, на мой взгляд, также невысоки — особенно бросается в глаза почти 50% беспартийный состав в ЛОКА.

Итак, при анализе статистических документов за 1932 г. не было обнаружено резкой поляризации старых и новых научных институций в силу не их ожидаемой политической и социальной однородности после «года великого перелома» в науке, а по причине сравнительной тонкости партийно-комсомольской и рабоче-крестьянской прослойки в каждой из них. Ожидаемые различия, безусловно, присутствовали, и именно они являются косвенным подтверждением достоверности источника (так, в Комакадемии число ученых-коммунистов выше, но и недопустимо высок удельный вес беспартийных; в Академии наук СССР, напротив, выше доля беспартийных и т. д.). Однако в целом статистика и в 1932 г. демонстрировала незначительное количество ученых-коммунистов в науке, ее необеспеченность надежными в социальном отношении рабоче-крестьянскими кадрами.

На третьем этапе исследования мы обратились к материалам 1937 г., трактуемого в историографии как год начала «Большого террора». Источниками на этом этапе стали разработанные таблицы Центрального управления народнохозяйственного учета Госплана СССР по категориям научных работников научно-исследовательских учреждений по СССР и союзным республикам на 1 января 1937 г., отражающие соотношение партийных кадров в наиболее «верном» в партийном отношении поле коммунистической науки — социально-экономических дисциплинах (см. табл. 4).

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 57.

Таблица 4

Основные научные работники научно-исследовательских учреждений
и вузов СССР: 1937 г.

Социально-экономические науки	ВСЕГО	Партийность		
		Член и кандидат ВКП(б)	Член и кандидат ВЛКСМ	Беспартийный
Мировое хозяйство	107	54	3	50
Экономика народного хозяйства	828	394	50	384
Экономика промышленности	431	120	13	298
Экономика сельского хозяйства	633	205	41	387
Торговля (товароведение)	130	27	6	97
Организация и оздоровление труда	58	13	2	43
Статистика, планирование	360	46	11	303
Физическая география	105	7	4	94
Экономическая география, краеведение, этнография, антропология	506	71	34	401
История, археология	1733	560	138	1035
Право, политика	380	140	25	215
Архивное дело	151	40	9	102
Филология, литература, языковедение, книговедение	2634	325	123	2186
Искусство	1190	75	24	1091
Педагогика	1545	352	58	1135
Философия	440	332	44	64
Общественные науки	420	343	23	54
Музееведение	111	19	12	80
Итого по социально-экономическим наукам	11762	3123	620	8019

(Источник: расчеты автора на основе: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 667. Л. 8).

Данные таблицы 4 показывают, что на 1937 г. удельный вес беспартийных научных работников в самой «партийной» из всех групп наук составлял 68,2% (8019 от общего числа 11762). При этом наиболее низкой доля беспартийных (менее 50%) была в общественных науках (12,9%) и философии (14,5%), за ними с большим отрывом следовали отрасли «Экономика народного хозяйства» (46,4%) и «Мировое хозяйство» (46,7%). К наукам с самым высоким (свыше 80% от состава) удельным весом беспартийных работников относились «Искусство» (число беспартийных достигало 91,7%), «Физическая география» (89,5%), «Статистика и планирование» (84,2%) и «Филология, литература, языковедение, книговедение» (83%). Средние показатели предлагали отрасли «Право, политика» (56,6% беспартийных), «История, археология» (59,7% беспартийных), «Экономика сельского хозяйства» (61,1% беспартийных). Таким образом, даже среди представителей социально-экономических дисциплин ученые-коммунисты распределялись крайне неравномерно, по факту были сосредоточены в рамках нескольких, преимущественно теорети-

ческих, дисциплин. Большинство дисциплин в самой политизированной отрасли научного знания даже в 1937 г. отличалось узостью партийно-комсомольской прослойки (менее 70%).

Обратимся к еще одному сюжету, который можно удачно проиллюстрировать на материалах 1937 г. Речь идет об удельном весе партийной прослойки среди ученых, включенных в систему ранжирования, социально-экономических льгот.

Комиссия содействия ученым при СНК СССР, сменившая в 1931 г. Центральную комиссию по улучшению быта ученых, действовала по принципу ранжированной, а не профсоюзной организации. Существовал так называемый «Список ученых КСУ», включавший около 2000 фамилий ученых. Они пользовались дополнительным денежным обеспечением, ведомственными больницами, домами отдыха и санаториями, мастерскими по пошиву одежды, получали персональные и академические пенсии, премии [Осокина 1999, с. 102–105]. Логично предполагать, что в распределении благ все-таки учитывалась лояльность ученых к власти, выражавшаяся в их партийной принадлежности. Однако статистическая сводка к Списку ученых Комиссии содействия ученым при СНК СССР от 1 сентября 1937 г. представляет иное (табл. 5).

Таблица 5

Статистическая сводка к Списку ученых
Комиссии содействия ученым при СНК СССР: 1937

Специальность	Всего	Ученое звание				Докторская степень	Заслуженный деятель наук	Партийность	Беспартийные
		Академик	Член-корр.	Профессор	Проч.				
Социально-экономические	333	49	41	232	11	221	12	119	214
Точные	742	72	82	585	3	641	42	55	687
Медицинские	463	12	7	442	2	392	81	44	419
Инженерно-технические	315	21	23	260	11	166	34	15	300
Сельскохозяйственные	129	22	5	102		104	5	11	118
Всего по всем сферам	1982	176	158	1621	27	1524	174	244	1738

(Источник: расчеты автора на основе: ГАРФ. Ф. 4737. Оп. 1. Д. 822. Л. 13).

Цифры, приведенные в таблице 5, демонстрируют соотношение партийной и беспартийной прослойки в привилегированной, включенной в систему распределения социально-экономических благ, части научного сообщества. Доля партийных ученых в Списке составляла 12,4%, беспартийных — 87,6%. При этом наибольший удельный вес партийных сил логично приходился на социально-экономические дисциплины (35,7% партийных и 64,3% беспартийных научных работников), другие же дисциплины демонстрировали удивительную картину: из включенных в Список КСУ были беспартийными 90,5% представителей медицинских

наук, 91,4% представителей сельскохозяйственных наук, 92,6% представителей точных наук, 95,2% представителей инженерно-технических наук.

Одновременно таблица 5 дает и косвенные данные о соотношении ученых степеней и званий¹⁰ с партийностью ученых (о процентном соотношении говорить в этом случае нельзя): так, из общего числа 1982 научных работников число профессуры в списке (1621) почти в 7 раз, а число лиц с докторской научной степенью (1524) в 6 раз превышало число ученых-коммунистов (244). При этом если в социально-экономических дисциплинах пропорция составляла два к одному (из общего числа 333 — 232 профессора, 219 докторов наук к 119 партийным научным работникам), то в точных науках соотношение было десять и одиннадцать к одному (из общего числа 742 — 585 профессоров / 641 доктор наук к 55 партийным), в медицинских — десять и восемь к одному (из 463 — 442 профессора / 392 доктора наук к 44 партийным), в инженерно-технических — 17 и 11 к одному (из 315 — 260 профессоров и 166 докторов наук к 15 партийцам), в сельскохозяйственных — девять к одному (из 129 — 102 профессора, 104 доктора наук к 11 партийцам). Таким образом, членство в партии не являлось условием ни для получения профессорского звания, ни для обретения степени доктора наук [Долгова, 2017]. Эти цифры 1937 г. интересны и также не вполне укладываются в концепцию «репрессированной науки».

Таким образом, можно сделать несколько выводов.

Слой коммунистов в научном сообществе 1920–1930-х гг. был тонким и неоднородным. Налицо неравномерное распределение партийных сил в территориальном отношении (их сосредоточение в Москве), по отраслям научного знания (социально-экономические дисциплины — философия и экономика — и почти полное их отсутствие среди представителей точных, инженерно-технических дисциплин); недостаточный уровень квалификации партийных научных кадров (их сосредоточение в группе «В» — «начинающих и готовящихся ученых»), краткость партийного стажа многих из них (костяк партийных научных сил сложился в 1927–1928 гг.).

В результате анализа документации по социально-демографическому составу Академии наук СССР и Коммунистической академии ЦИК СССР за 1932 г. не было отмечено оппозиции «старых» и «новых» научных институций — в силу сравнительной тонкости рабоче-крестьянской и партийно-комсомольской прослойки в каждой из них. Одновременно не выявляется взаимосвязь между партийностью научных работников и обретением ими привилегий социально-бытового характера (для того, чтобы быть включенным в Список КСУ, не требовалась членство в ВКП(б), не требовалось его и для получения ученого звания профессора или присуждения степени доктора наук).

Таким образом, анализ статистической документации за 1929, 1932, 1937 гг. не обнаруживает болевого перелома в развитии науки, отразившегося на изменении социально-демографических характеристик научного сообщества. С одной стороны, не наблюдалось безусловно жесткого государственного запроса на «партийность» ученых, с другой стороны, научное сообщество не отличалось партийной и социальной однородностью. Вследствие этого говорить о предвоенной науке как «коммунистической» в части ее социально-демографических характеристик едва ли правомерно.

¹⁰ Научные степени доктора и кандидата наук и ученые звания (в научно-исследовательских учреждениях — действительных членов, старших и младших научных работников, в вузах — профессоров, доцентов и ассистентов) были введены Постановлением СНК СССР от 13 января 1934 г.

Литература

- Горин М. Академический ковчег // Ленинградская правда. 1927. 15 мая.
- Курепин А. А. Наука и власть в Ленинграде 1917–1931 гг. СПб.: Нестор, 2003.
- Маровский В. Академический ковчег — целехонек // Ленинградская правда. 1928. 17 июня.
- Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1999.
- Перченко Ф. Ф. Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995.
- Подвластная наука: Наука и советская власть / Ред. С. С. Неретина, А. П. Огурцов. М.: Голос, 2010.
- Покровский М. Н. О подготовке научных работников // Научный работник. 1929. № 1. С. 16–28 и др.
- Репрессированная наука / Под ред. М. Г. Ярошевского. Т. 1–2. Л.: Наука, 1991–1994.
- Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: Отечественное славяноведение (1917–начало 1930-х годов). М., 2004.
- Романовский С. И. Наука под гнетом российской истории. СПб.: Издательство СПбГУ, 1999.
- Тесленко Ф. Подготовка научных кадров нуждается в решительной перестройке // Научный работник. 1930. № 4. С. 23.
- Штарк Б. М. Еще о подготовке научной смены // Научный работник. 1929. № 3. С. 11–18.

Was there a “Communist” Science? Statistics of Scientists in 1929–1937

EVGENIYA A. DOLGOVA

scientific researcher at the Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia;
e-mail: dolgova-evg@rambler.ru

The author puts the problem of verification of historiographical hypotheses about the social and political (party) homogeneity of scientists in the 1920–1930s through accounting of the Communists in the scientific community, their distribution across disciplines, geographical location, age and qualification. Through the analysis of statistical documentation for 1929, 1932, 1937, the author comes to the observation that the stratum of the Communists was thin in the scientific community of the 1920–1930s; there was no opposition “old” and “new” scientific institutions (Academy of Sciences of the USSR and the Communist Academy of the USSR) and no relationship between partisanship of scientists and granting social and economic privileges by them. The author makes the conclusion that social and demographic characteristics of the scientific community in 1929–1937 do not confirm a breakthrough in the development of science: we could not find hard state request “partisanship” in science and the scientific community was not party and social homogeneity. So, it is incorrect to talk about the pre-war soviet science as “communist” in aspects of its socio-demographic characteristics.

Keywords: Soviet science, the scientists, the party of the CPSU(b), social origin, authority, privileges, repression.

References

- Gorin M. (1927) Akademicheskii kovcheg [The Academic arc] // *Leningradskaya pravda*. 15 maya. (in Russian).
- Marovskiy V. (1928) Akademicheskii kovcheg — tselekhonek [The Academic arc survived] // *Leningradskaya pravda*. 17 iyunya (in Russian).
- Teslenko F. (1930) Podgotovka nauchnykh kadrov nuzhdaetsya v reshitelnoy perestroyke [The training of researchers needs to be rebuilt] // *Nauchnyy rabotnik* [Scientific worker] № 4. P. 23 (in Russian).
- Shtark B. M. (1929) Yeshche o podgotovke nauchnoy smeny [More about the training of researchers] // *Nauchnyy rabotnik* [Scientific worker] № 3. P. 11–18 (in Russian).
- Pokrovskiy M. N. (1929) O podgotovke nauchnykh rabotnikov [About the training of researchers] // *Nauchnyy rabotnik* [Scientific worker] № 1. P. 16–28 (in Russian).
- Kurepin A. A. (2003) Nauka i vlast v Leningrade 1917–1931 gg. [The science and the power in Leningrad 1917–1931]. SPb.: Nestor (in Russian).
- Osokina Ye. A. (1999) Za fasadom «stalinskogo izobilija»: raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941 [Behind the façade of “Stalin’s abundance”: distribution and market in the supply of the population in the years of industrialization. 1927–1941]. M.: ROSSPEN (in Russian).
- Perchenok F. F. (1995) Tragicheskie sudby: repressirovannye uchenye Akademii nauk SSSR. [The tragic fates: repressed scientists of the Academy of Sciences of the USSR]. M. (in Russian)
- Neretina S. S., Ogurtsov A. P. (ed.) (2010) Podvlastnaya nauka: Nauka i sovetskaya vlast [The science under the oppression the Soviet government]. M.: Golos (in Russian)
- Jaroshevskii M.G (ed.) (1991–1994) Repressirovannaya nauka [Repressed science]. V. 1–2. L.: Nauka (in Russian)
- Romanovskij S. I. (1999) Nauka pod gnetom rossiyskoy istorii [The science under the oppression of Russian history]. SPb.: SPbGU (in Russian)
- Robinson M. A. Sudby akademicheskoy elity: Otechestvennoe slavyanovedenie (1917–nachalo 1930-kh godov). M., 2004.

ВОЛОДАРСКАЯ ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА

доктор психологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Института
истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН,
Москва, Россия;
e-mail: eavolod@gmail.com

РАЗИНА ТАТЬЯНА ВАЛЕРЬЕВНА

доктор психологических наук, доцент,
заведующая кафедрой психологии Филиала ОАНО ВО
«Московский психолого-социальный университет» в г. Ярославле,
Ярославль, Россия;
e-mail: razinat@mail.ru

УДК 001, 316.6

Образ женщины-ученого в изобразительном искусстве СССР как отражение гендерного неравенства в науке

Обсуждаются вопросы гендерного неравенства в науке. Рассматриваются виды косвенной имиджформирующей информации, художественные средства формирования имиджа науки в целом и образа женщины-ученого, в частности. В центре интересов авторов находится традиция живописи эпохи социалистического реализма, отражающая социальные представления об ученом и науке в обществе. На примере картин ряда художников изучаются особенности восприятия и отношения в обществе к ученым женского и мужского пола, выразительные приемы отражения научной деятельности.

Ключевые слова: гендерное неравенство, женщина-ученый, имидж науки, визуальный компонент имиджа, живопись, выразительные средства, советская наука.

Введение

Гендерное неравенство в научной сфере стало предметом самостоятельного анализа. Дискриминация женщин в сфере науки многолика, проявляется на разных этапах научной карьеры женщины: при поступлении на работу в НИИ, аспирантуру, при оценке ее творческого вклада в науку, формировании коллектива соавторов научной публикации и во многих других аспектах [Агамова, Аллахвердян, 2012]. Результаты исследований гендерного неравенства в науке показывают, что женщины-преподаватели в вузе и на кафедре в основном занимаются рутинной методической работой, а мужчины — творческой научной. И профессиональные качества мужчины-преподавателя оцениваются выше по сравнению с профессионализмом женщины-преподавателя [Ефлова, Фурсова, 2007]. Также отмечается, что довольно широко распространены формы материальной дискриминации женщин: у них